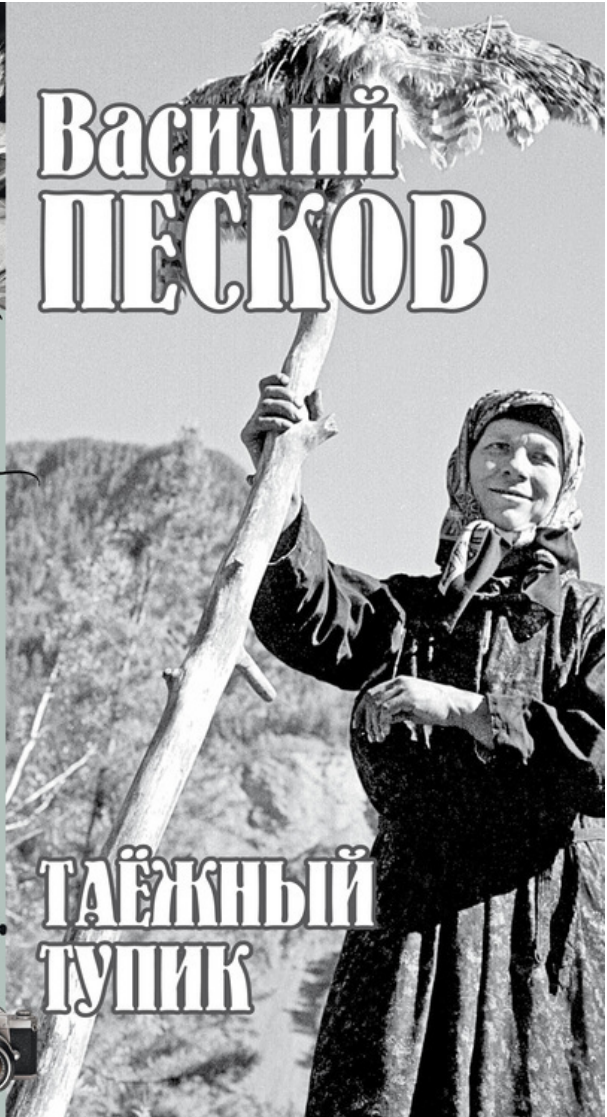
Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!



ТАЁЖНЫЙ ТУПИК

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Василий Михайлович Песков

Полное собрание сочинений. Том 14. Таежный тупик

Серия «Василий Песков. Полное собрание сочинений», книга 14

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17082313
Василий Песков. Полное собрание сочинений. Том четырнадцатый. Таежный тупик: «Комсомольская правда»; Москва; 2014
ISBN 978-5-87107-890-7

Аннотация

В 14-й том собрания сочинений Василия Михайловича Пескова вошла, кроме рубрик «Проселки» и «Окно в природу», самая известная его документальная повесть о семье отшельников Лыковых, которую нет нужды представлять особо, – «Таежный тупик».

Содержание

Предисловие 6
1981 11
Сундук богатства 11
1982 20
У входа в пещеру 25
«В росную зорю растет трава…» 37
Оляпка 50
Выстрелы ночью… 54
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Василий Песков Полное собрание сочинений. Том 14. Таежный тупик

«Надо признать: человек действительно высшее творение природы. Беда, если «творение» это проявляет видовой эгоизм и не оставит на земле места ни для чего живого, кроме себя… Жизненно важно для человека, чтобы на земле осталось место для скворца, для моржа, для изумительно красивой птицы сороки, для оленя, ежа, для слона, для сверчка – для всего, что составляет на земле прекрасную многоцветную ткань под названием жизнь».

В. Песков

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

Предисловие

«Таежный тупик», серия рассказов Василия Михайловича Пескова о жизни ушедшей в тайгу давным-давно семьи староверов Лыковых, просто взорвал страну. Я хорошо помню, как мама вырезала и подклеивала репортажи Василия Михайловича, а когда вышла книжка – лучшего подарка просто не было. Вся редакция потихоньку потянулась к Пескову за автографами для мам, пап, бабушек, детей. «Таежный тупик» читали все! Семьями, поголовно.

И конечно, рассматривали фотографии Лыковых, нехитрого их скарба, избушки.

Открыл Лыковых не Василий Михайлович, в местных газетах были про них заметки. Но только Песков увидел в жизни этих отшельников уникальную историю семьи и людей, оставшихся вне мира, один на один с тайгой. Песков ездил к ним чуть ли не ежегодно, о чем вы сами прочитаете в нескольких томах его собрания сочинений. И каждый раз привозил новые и новые фото. В какой-то мере он стал им человеком близким. Но очень любопытно знать (читая «Таежный тупик»), сколько сил и хитрости Василий Михайлович положил на то, чтобы мы всё увидели своими глазами. Он так сам рассказывал эту почти детективную историю:

«Особый случай в моей фотографической практике – встреча в тайге со староверами Лыковыми. История этой семьи была ошеломляюще интересной. Поверить в нее можно было, только увидев снимки робинзонов тайги. Но тут возникла проблема: Лыковы никак не хотели сниматься – «греховное дело!». Я был в большом затруднении, пытался снимать украдкой, издалека, но это разрушало доверие, уже возникшее при общении. И никакие уговоры не помогали. «Неможно!» – и все.

Я со временем понял причину неприятия фотографии. Староверы крайнего толка (секты) по названию «бегуны» считали, что с «миром» жить «неможно», от «мира» надо бегать и таиться. Так они и жили со времен царя Алексея Михайловича, при котором произошел церковный раскол. «Бегуны» о фотографии узнали в конце позапрошлого века и должны были определить к ней свое отношение. Они сообразили, что фотография лежит на ином полюсе их бытия, – они таятся, а фотография их как бы обнаруживает, делает известными «миру». И они наложили на «нечистое дело» запрет или, как говорят, табу. Табу всегда сильнее, если носит религиозный характер. Но это мои размышления. А Лыковы получили в наследство от предков своих не поддававшийся толкованью запрет: «Дело греховное. Только лик Божий лицезренья достоин». Вот и мыкался я, ежегодно прилетая в тайгу, пытаясь хоть что-нибудь снять. Избу,

хозяйственную утварь, огород, запасы еды, постройки – снимай, пожалуйста, а лики – «неможно». Увидев камеру, Агафья и отец ее Карп Осипович немедленно уходили в избу или падали в траву. «Хороший человек Василий Михайлович, – жаловался Карп Осипович, – но уж больно обвешан «машиночками».

Однажды я привез Лыковым несколько хорошо отпечатанных снимков в подарок, полагая, что этим смягчу отношение их к фотосъемке. Не получилось! Утром я обнаружил снимки скатанными в трубочку в кладке кедровых поленьев.

Но вода точит камень. Кто бы ни появлялся в таежной «усадьбе» Лыковых, все непременно хотели их снять. Хорониться отцу и дочери надоело, махали только рукой – «баловство это». После смерти отца Агафью мне удалось убедить, что «грех» съемки на нее ложиться никак не может, этот «грех» я беру на себя. Агафья это размышление приняла – перестала страшиться «машинок», висевших у меня на груди, но поднятый к глазам аппарат она все-таки не терпела и либо закрывала лицо рукою, либо куда-нибудь со смешком уходила, обращая желание ее снять в некую игру в прятки. Но я нашел способ одолеть и этот рубеж – ставил в камеру объектив с широким углом обзора. Такой объектив не требует точной наводки на резкость, и я, поправляя наводку рукою на шкале резкости, не подымал к глазам фотокамеру и

щелкал, не прерывая какого-нибудь разговора. Это давало неплохой результат. Один из снимков сделан как раз таким образом. Агафья стояла против меня в трех шагах. Говорили о чем-то, ее занимавшем, и во время этого разговора, следя за лицом собеседницы, я нажимал кнопку. Агафья щелчки фотокамеры, конечно, слышала, но либо не понимала, что идет съемка, либо мудро делала вид, что не понимает.

На снимках, сделанных украдкой, Агафья разная – то лицо блаженного человека, то излишне серьезное, то ракурс невыгодный. Нос у нее «лыковский» – великоватый, и в профиль я снимать ее избегал, не попросишь же «стань вот так». Последние годы, впрочем, с фотографией таежница почти примирилась. С шутками-прибаутками я открыто снимал ее стоящей на чердачной лестнице, во время ловли рыбы, доенья козы, игры с собакой. Частенько приходилось ей стать среди летчиков или среди навестивших ее людей – всем хотелось сняться со знаменитостью. Снисходительно улыбаясь, Агафья все это терпела, но ни разу не попросила привезти фотографии… Я предложил ей однажды посмотреть фотографии. Посмотрела, отмахнулась с улыбкой: «Баловство это!»

Без фотографий представить себе историю Лыковых просто невозможно, поэтому мы постарались дать в книге гораздо больше снимков, чем было в газетных пуб-

ликациях «Таежного тупика».

Наслаждайтесь!..

Подготовил Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1981

Сундук богатства
Проселки

В Максютово из Уфы приехала гостья. Важно, неторопливо ходила она по улице, откровенно показывала наряды. А когда пошла купаться на Белую, полезла в воду, не снимая цепочек, колец, перстней и браслеток. Кто-то сказал, что в воде от камней и песка золото, мол, «худеет», стирается. Эта полунасмешка богатую щеголиху всерьез озаботила, однако лишь на минуту. Махнула рукой: «Поживем – наживем…»

Землячка, откопавшая вдалеке от родной деревеньки секреты «позолоченной жизни», легко понять, в глухом Максютове занимала воображение старых и молодых. Одни смеялись, другие вздыхали. Эти насмешки и вздохи на весах деревенской молвы пришли в равновесие. И, наверно, поэтому молчаливый обычно Заки Мустафьин бросил на эти весы и свою житейскую гирьку.

– Неужели не понимаете, стыдное это золото! – сказал Заки, прислушиваясь возле дома к разговору парней и девушек. – Можно ль трудом все это нажить? И надо ль? Только в носу кольца не хватает…

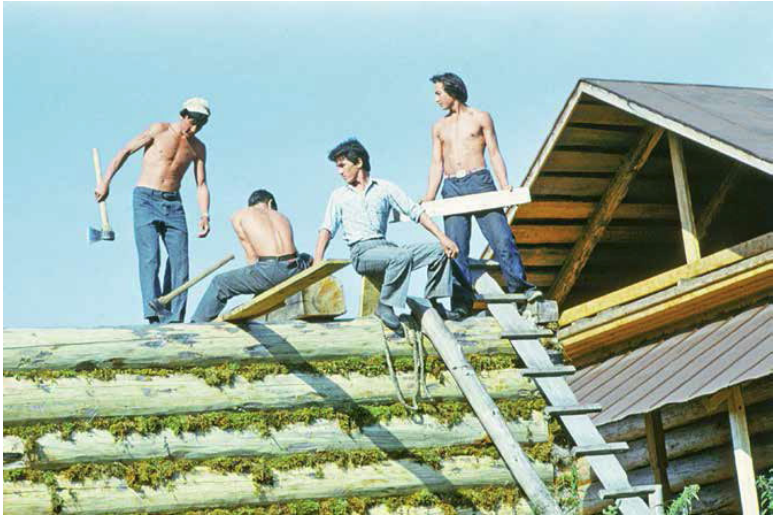
– А мое богатство – вот!..

Я застал конец затихавшего разговора, который свелся к главному из вопросов: в чем счастье, в чем в жизни богат-

ство? Присев, неизбежно пришлось участвовать в разговоре. Вспомнили одного из самых богатых людей – иранского шаха, улетавшего из страны своей в самолете, загруженном драгоценностями, как пещера Али-Бабы; вспомнили умершего несколько лет назад в Ташкенте от сердечного приступа индийского премьер-министра Шастри. Он, оказалось, был бедняком. Кто был счастливее в этой короткой, быстро текущей жизни: жестокий, надменный шах или скромный, по заветам Ганди живущий индус? Я вспомнил людей, которых знал лично. Одного смерть застала в момент, когда он, сидя на полу, пересчитывал кипу сторублевых бумажек и нанизанные на бечевку кольца. Другой, это был известный московский писатель-натуралист Дмитрий Зуев, не имел ничего в доме, кроме бумаг, чайника, ружья и болотных сапог. Зная, что умирает, он сожалел об одном только – что не увидит больше лесную поляну где-то под Луховицами. «Ты обязательно съезди… И меня вспомнишь…»

Заки, точивший на камне стамеску, в этой беседе, я чувствовал, был моим главным союзником. В момент, когда все умолкли, он вдруг скрылся в амбаре и вернулся с зеленым обшарпанным сундуком. Поставил его на пенек, неторопливо открыл.

– А мое богатство – вот!..



Сборка нового дома – праздник для всей деревни.

И все увидели хорошо знакомые вещи: пилки, стамески, рубанки, фуганок, шершебки, отборник, рейсмус, отвес… не могу всего по памяти перечислить. Интереса ради стали считать железки и деревяшки – сорок три добротно сделанных инструмента! Оказалось, сделал Заки все сам, исключая лишь пилки, да и то фабричные рукоятки ему не понравились – переделал по-своему.

– Ну и к этому надо иметь еще руки… – Заки растопырил над столярным своим богатством узловатые, в сухих мозолях и царапинах пальцы. – Считаю, это и есть богатство. Ставь рядом сундук с золотом и скажи «выбирай!», выберу

этот вот, с инструментами.

Заки помолчал, аккуратно закрыл зеленый сундук и за ременную ручку понес его в мастерскую. В затянувшемся споре об «умении жить» была поставлена умная, четкая, всем понятная точка.

Когда все уже разошлись, я попросил Заки снова открыть сундук и подержал в руках каждый из инструментов. Все от долгого постоянного применения «обмаслилось» – поблескивало, было покрыто следами смолы и воска, пахло амбаром, где сохли дощечки, висели пучки сухих трав, мотки пряжи, пчелиные рамки, конская упряжь, связка каких-то железок, овчинный тулуп, долбленая бочка для меда.

– Тут мы с Маратом работаем в зимние дни. А летом – вот там, под навесом.

Профессия Закия Мустафьина – лесник-бортник (добытчик дикого меда). Но, как и всякий башкир, жизнь которого протекает в лесах, Заки до страсти любит пилить, строгать и долбить древесину. Все до мелочи в домашнем своем хозяйстве сделал он сам. Высокий, нарядный, просторный дом с большими окнами и крыльцом сработан его руками. Ульи, кровати, скамейки, долбленки из липы для меда, изящная табуретка для дойки коровы, портретные рамки, посуда для сбивания масла, сундучки, банная утварь, верстак, корыто, обеденный стол и стол на кухне, санки для ребятишек, игрушки – все это сделал Заки, испытывая, как он сказал, «горячее удовольствие» от работы.

Его инструмент в сундуке в идеальном порядке – бери в любую минуту. Собрались мы утром побриться – Заки положил на стол обычного вида ножик в кленовых ножнах. Я решил, что задумана шутка над гостем. Но Заки, не заметив недоуменья, быстро очистил свой подбородок и подвинул ножичек вместе с зеркалом мне. Чудеса! – неподатливую мою щетину ножик резал без всяких помех. При столярных работах бывает нужда в таком инструменте. Этот же ножик служит за бритву. Особого сорта редкая сталь? Да нет, куплен ножик в местной бревенчатой лавке за 76 копеек, но умело, с величайшим терпеньем наточен и является частью богатства, хранимого в сундуке…

Во время поездки в лес по бортным делам я спросил у Заки, есть ли наследники сундука.

– Пожалуй, что есть, – отозвался Заки охотно. – Вот этот чиляк из липы долбил Марат. Зимою он сделал рамы для окон, помогал, работал со мной наравне, когда рубили и ставили дом. А этим летом, как я понимаю, устроил себе экзамен. Вернемся из леса – увидите результат…

У дома Мустафьиных весь день кипела работа, и мы застали ее окончанье. Рядом с незаселенным пока еще домом стоял новый сруб, какого вчера еще не было.

Оказалось, от основной постройки остались запасы сосновых бревен, и Марат попросил разрешенья срубить небольшое жилье. Сказал: «Отец, ни слова подсказки, не поправляй. Все сам». Целое лето парень тесал, строгал бревна, под-

гонял их друг к другу, выбрал самую сложную вязку углов. Отец подходил, смотрел, но молчал. Соблюдать уговор было ему легко. «Все у Марата получалось, пожалуй, лучше, чем у меня».

И вот наступил день – Марат позвал друзей своих помочь ставить сруб. Так всегда бывает в Максютове: сборка нового дома – праздник для всей деревни. На этот раз собрались одни молодые. Парни плотничали, девушки варили обед.

Нехитрое, кажется, дело поставить сруб. Бревна пронумерованы – клади одно за другим, топоры, мох, веревки – все под рукой. Однако нужна и сноровка, она дается лишь опытом. Экзамен, который устроил Марат для себя, был экзаменом и для всех.

Мы застали ребят вспотевшими, перепачканными смолой, возбужденными. Но было уже видно – экзамен идет успешно: все бревна легли как надо, все было подогнано, проконопачено, сверху на сруб подняли матицы, наметили точки, где ставить стропила.

Заки слез с лошади. Обошел сруб. Постучал в двух-трех местах обухом топора и остался доволен: «Ну, теперь к самовару!»

Стол был накрыт во дворе, прямо около сруба. Мать Марата, сестры и соседские девушки несли на стол тарелки и чашки с варевом, поставили мед, навалили на блюдо коржей с черемухой. Я с любопытством ждал: появятся ли бутылки? Нет, питье было только из самовара.

Отсутствием аппетита молодость не страдала. С шутками, балагурством, с веселыми подковырками по поводу завершенного дела десять друзей Марата учинили разгром всему, что в этот день жарилось, парилось и пеклось. Расходились уже в сумерках, когда опустился туман над Белой и пущенные кормиться лошади уже позвякивали коваными колокольцами. Вот так же встретиться за столом друзья договорились на проводах Марата в армию.

…В последнем письме из Максютова я узнал, Марат уже в армии. Значит, эту заметку о нашей осенней встрече он прочтет среди новых своих друзей.

Первый год службы труден, и можно представить, с каким теплом вспоминает сейчас максютовский парень Марат Мустафьин родную деревню, друзей, отцовский дом, двор со скотиной, амбар-мастерскую, где сохнут сосновые доски, где стоит отцовский зеленый сундук с инструментами. Вдалеке от дома это все обязательно вспоминается. Вспоминается с нежностью. Часто издали только начинаешь ценить все, что было простым, естественным и доступным, как воздух. Но Марату служба, я уверен, будет даваться легко, потому что вовремя, с раннего детства прошел он рядом с отцом очень важную школу: уменье все делать своими руками, во всем себя испытать. Это очень ценится в армии. Это всю жизнь потом будет служить человеку.

Хорошей службы, Марат! И счастливого возвращения к дому.

Фото автора. 31 декабря 1981 г.

1982

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА СССР

на период до 1990 года

Пленум Центрального Комитета КПСС, состоявшийся 24 мая 1982 года, одобрил Продовольственную программу СССР на период до 1990 года. Изложение программы публикуется ниже.

Советский народ под руководством Коммунистической партии добился выдающихся успехов в создании материально-технической базы коммунизма. Наша страна имеет теперь высокоразвитые производительные силы, мощную передовую индустрию, крупное высокомеханизированное сельское хозяйство. В СССР построено общество развитого социализма. Достигнутые успехи прочно и убедительно раскрывают великие преимущества и огромные возможности социалистического строя.

В центре внимания партии и Советского государства была и остается забота о человеке, о создании все более благоприятных условий для всестороннего и гармонического развития личности.

Крупные мероприятия в этой области осуществлены за последние три пятилетки. Уровень оплаты труда возрос почти в 2 раза. Выплаты и льготы, получаемые населением из общественных фондов потребления, увеличились в 2,6 раза, реальные доходы на душу населения возросли вдвое, свыше 100 млн. советских людей улучшили свои жилищные условия. Дальнейшее развитие получили просвещение, культура, здравоохранение, бытовое обслуживание населения.

Советские люди имеют широкие социально-экономические и политические права — право на труд и на отдых, на жилище, на бесплатное образование и медицинское обслуживание, они активно участвуют в управлении делами общества и государства. Права советских граждан гарантированы Конституцией СССР.

Основой повышения жизненного уровня советских людей является их добросовестный труд, обеспечивающий постоянный рост экономики страны. Только за три последние пятилетки основные производственные фонды народного хозяйства увеличились в 3,2 раза, национальный доход возрос в 2,4 раза. Динамично росли объемы производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, ускорились темпы научно-технического прогресса.

Созданный нами экономический и научно-технический потенциал страны позволяет успешно решать новые крупномасштабные задачи коммунистического строительства.

XXVI съезд КПСС, выдвигая широкую программу социального развития и повышения народного благосостояния, на первый план поставил задачу улучшить снабжение населения продуктами питания. По инициативе Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева для решения этой задачи разработана Продовольственная программа СССР до 1990 года, которая является важнейшей составной частью экономической стратегии партии на ближайшие десятилетия.

I. ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Коммунистическая партия, последовательно осуществляя курс аграрной политики, выработанный на историческом мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС и развитый на последующих Пленумах, на XXIII—XXVI съездах КПСС, провела большую работу по обеспечению подъема сельскохозяйственного производства.

На основе повышения эффективности экономики страны значительно укреплена материально-техническая база агропромышленного комплекса.

Существенно улучшилась техническая оснащенность сельского хозяйства. Качественное обновление состав машинно-тракторного парка, повысился уровень механизации работ в растениеводстве и животноводстве. Возросла производительность труда в колхозах и совхозах.

Ускоренное развитие получили химизация и мелиорация земель. Поставка сельскому хозяйству минеральных удобрений за последние пятнадцать лет возросла в 3 раза, а площади орошаемых и осушенных земель увеличились в 1,7 раза.

Находятся в действие специализированные животноводческие комплексы с промышленной технологией производства и крупные птицефабрики, развиваются высокоэффективные межхозяйственные и агропромышленные предприятия и объединения.

Созданы новые отрасли, обслуживающие сельское хозяйство: машиностроение для животноводства и кормопроизводства, сельское строительство, комбикормовая и микробиологическая промышленность, получило дальнейшее развитие сельскохозяйственное машиностроение. Возросли производственные мощности отраслей, связанных с заготовкой, хранением и переработкой сельскохозяйственной продукции. Основные производственные фонды пищевых отраслей промышленности за последние пятнадцать лет увеличились в 2,7 раза.

Комсомольская правда
Орган Центрального Комитета ВЛКСМ
ОБРАЩЕНИЕ
Центрального Комитета КПСС,
Президиума Верховного Совета СССР,
Совета Министров СССР
к Коммунистической партии, к советскому народу
Комсомольская правда
Орган Центрального Комитета ВЛКСМ
ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ
о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза
Речь товарища Ю. В. АНДРОПОВА
Юрий Владимирович АНДРОПОВ
Год 2000-й:
МИР, КАКИМ МЫ ЕГО СОЗДАДИМ
Знакомство с будущим высвечивается
Требуются полезные
ТРАВАМ ШВЕСТЫ
СЛЕДИТЕ ЗА ЭКРАНОМ
АКТУАЛЬ
Комсомольская правда
Орган Центрального Комитета ВЛКСМ
В космосе советский космический корабль «Союз Т-7»
Верность высоте
Отчеты министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова на вопросы корреспондента ТАСС
Комсомольская правда
Орган Центрального Комитета ВЛКСМ
СССР
60 лет
ПОД ЛЕНИНСКИМ ЗНАМЕНЕМ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
Торжественное заседание в Кремлевском Дворце съездов
Речь товарища К. У. ЧЕРНЕНКО
ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР
Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. АНДРОПОВА

У входа в пещеру

К зиме страсти тут утихают, но летом, до сентября, когда вниз по Белой плывут караваны резиновых лодок, пещера в осаде. Перед входом, как в древнем замке, нет разве что пушек и подъемных мостов, все остальное есть: стена из массивных металлических прутьев, глубже ко входу – стальная решетка, тяжелые двери, замки, свирепого нрава собака, четыре лесника-сторожа меняются круглосуточно. Нешуточная защита. И все же время от времени прорывается нарушитель в пещеру – то, подобно духам или гипнотизерам, проходят люди через заслоны, не открывая ворот, то (бывало такое) свяжут ночью охрану, отнимут ключи, а в знак того, что лично против охранника ничего не имеют, оставляют гостинец в бутылке, а с юмором люди еще и записку: «Если нельзя, но очень хочется, то можно».

Читатель уже смекнул: что-то очень уж интересное есть в пещере, если такая строгость с одной стороны и всесокрушающая страсть проникнуть в пещеру – с другой. Действительно есть. Есть таинство огромного подземелья, притягательное само по себе, есть в пещере и ценности, хотя это вовсе не сундуки с серебром.

* * *

Речь идет о пещере известной. И я, признаться, тоже давно мечтал в нее заглянуть. Главный хранитель пещеры (любящий ее и знающий не хуже собственного дома), местный житель Саша Антонов постучал камнем по заржавевшим замкам, оглядел – подходяще ль обуты? – и мы оказались под каменным сводом.

Это не была нора, ведущая в подземелье. Это был громадный торжественный вход («портал» – назвал его Саша), обещавший нечто столь же объемное и значительное.

Из самой пещеры текла торопливая речка. («Шульган, – сказал Саша, – это она, работая тысячи лет под землей, соорудила пещеру».)

Прощально, словно бледная занавеска, мелькнул за спиною рассеянный солнечный свет, и в темноте мы сразу притихли. Сашин фонарь выхватывал глыбы острых и скользких камней, под ногами блестела жидкая глина, в подставленную ладонь сверху падали частые капли воды. Помогая себе руками, мы едва поспевали за Сашей. Лучик света от фонаря то упирался в нависающий каменный потолок, то терялся в пространстве, не достигая высокого свода.

Это не была нора… Это был громадный торжественный вход.

Подобно тому как речка имеет то узкое русло, то широкие плесы, пустота под землей то тянется коридором, то образует вдруг необъятную гулкую полость.

– Зал Хаоса… – Луч фонаря обегает громадные глыбы камней. Мы говорим «да…» и Саша, довольный произведенным эффектом, ведет нас дальше. Залов в пещере много: Арочный зал, Бриллиантовый, Хрустальный, Радужный,

Водопадный. За два часа путешествия обойти их все невозможно. И нам остается лишь позавидовать тем, кто неспешно обошел все чертоги и имеет полное представление о пещере.

Однако и за два часа увидели мы немало. Увидели толщи знаменитых сталактитов и сталагмитов, увидели кружевные натеки кальцита на сводах пещеры, увидели стены, по которым блестящим холстом струилась вода, мы подымались по шатким металлическим лестницам круто вверх, на третий этаж пещеры. В каком-то месте, притихнув, слушали, как в тишине подземелья с секундной точностью со свода вниз падали капли воды.

Главной точкой всего маршрута был зал Рисунков. Тут Саша дал волю своему красноречию, призывая представить, как многие тысячи лет назад «вот тут примерно, на этом вот камне, сидел первобытный художник в звериных шкурах и охрой на этой вот стенке рисовал волновавшие его образы… Вот видите лошадь?» Луч фонаря уперся в плоскую стену, но дробное освещение и блестки натеков мешали увидеть знаменитую, широко известную теперь лошадь. «Да вот же она!» Взглядом следя за указкой, мы увидели лошадь. И теперь она, уже не теряясь, стояла перед глазами, красноватая, слегка размытая в очертаньях, подернутая налетом солей, лошадь времен, называемых в истории людей палеолитом. Рядом с лошадью в «каменном эрмитаже» сквозь корку натеков проглядывали очертания мамонта, носорога и от-

дельно еще – головы этих животных. Всего семь рисунков, ценность которых определяется очень коротко – «они бесценны».

Обратный наш путь был более скорым, хотя по пещере быстро ходить опасно. На солнечный свет мы вылезли перепачканные глиной, слегка намокшие, с небольшими ушибами, но, конечно, счастливые. И Саше, запиравшему входы, я сказал откровенно, что вполне понимаю ребят, которые осаждают пещеру, и не строго бы их судил.

– Я тоже их понимаю, но так вот случилось, есть указание: стоп, и ни шагу! Кроме замков, говорят, надо еще и пломбы…

* * *

Капова пещера на Южном Урале – одна из самых известных и знаменитых в нашей стране. Название грандиозному подземелью дали наросты кальцита, очень схожие с капом древесным. Но не менее интересно и другое предположение: пещера для древних охотников была убежищем и святилищем – капищем.

Местные люди, живущие на реке Белой, знают пещеру тысячи лет. В книжное описание она попала в 1760 году после обследования ее Петром Рычковым (журнал «Ежемесячные сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие»). С тех пор интерес к пещере не ослабевает. Для «пользы и

увеселения» ее посещают ученые и любознательные люди, местные жители показывают ее приезжающим как угощение. Более двух столетий подземелье измерялось, исследовалось, описывалось. Издано много книг и статей о пещере, маршруты к пещере и по пещере входят в туристские путеводители. Однако поныне не все известно о подземелье. В 1959 году в пещере были открыты никем до того не замеченные рисунки людей каменного века. Рисунки стали сенсацией в археологии. Считалось, что только в Европе (во Франции и Испании) есть подобные памятники древнейшей культуры людей. Оказалось, пещерные люди «умели рисовать» также и на Урале.

Подземный «эрмитаж» сделал пещеру еще более привлекательной. По реке Белой в последние двадцать лет утвердился один из самых популярных в нашей стране туристских маршрутов. Пещера на этом пути стала главным местом паломничества. И возникло, естественно, беспокойство за судьбу и пещеры, и прилегающей к ней живописной природы. Законами РСФСР и Башкирской автономной республики пещера и примыкающий к ней район были объявлены заповедными. Посещение подземелья попытались кое-как упорядочить. А в Уфе родился проект создать близ пещеры туристский комплекс (бетонированная дорога, энергетическая линия, площадка для вертолетов, стадион, гостиница, хозяйственные постройки, иллюминация подземелья). Проект дорогостоящего предприятия, можно предположить,

рождался под впечатлением коммерческого успеха кавказской Ново-Афонской пещеры (билеты продаются на многие дни вперед).

Воплощение уже сделанного проекта в бетон и камень, однако, затормозилось по той причине, что даже только по Белой идущий туристский поток стал «размывать» уникальные ценности подземелья – колят и уносят на память тысячелетние натеки солей; на камнях запестрели надписи и рисунки, от которых в негодование приходят не археологи только. Что касается древних бесценных рисунков (им 40 тысяч лет!), то возникла угроза их быстрой утраты. Нарушение светового и температурного режимов при массовых посещениях, а также акты прямого варварства всполошили комиссию археологов. Она потребовала закрыть пещеру. Пещеру закрыли, выделив Башкирскому заповеднику штат охраны из четырех человек. И вот уже четыре сезона длится изнурительная война – туристы ведут осаду; заповедник, изнемогая, обороняет пещеру. И все жалуются: туристы – на охрану, охрана – на туристов, ученые – на туристов и на охрану. И вместе с тем оживился как будто уфимский проект – провести к пещере дорогу и сделать большое туристское стойбище прямо у подземелья. «Мы не знаем, как лучше выйти из положения, – признались в Москве в управлении заповедников. – Очень просим: посмотрите на месте и скажите свое сужденье».

* * *

Разумное разрешение запутанных сложностей, разумеется, существует. И сделать все можно с учетом всех заинтересованных сторон. Первое, от чего надо бы уберечься, – от добавочного усложнения проблемы. Усложнения эти таит уфимский проект. Зачем нужен еще один туристский канал к заповеданной территории, если даже один существующий (по реке Белой) создал ситуацию кризиса?

В начале 70-х годов имела хождение мысль, что заповедники, мол, надо «открыть для людей». Что из этого вышло, сейчас в обсуждении не нуждается. Масса туристов и экскурсантов любой заповедник способны обратить если и не в пустыню, то в нечто такое, что заповедником называть уже невозможно. Исправлять такие ошибки – дело нелегкое. Я помню, сколько сил потратил Окский государственный заповедник для ликвидации базы туристов, которую он опрометчиво приютил у своей территории. Шум, мусор, постоянные нарушения всех режимов охраны природы… Бороться с этим – выше сил и возможностей заповедника. Выход был только один – ликвидировать базу. Но попробуй ее ликвидировать, если она построена, если вложены средства, если существование базы значится в сотнях разных бумаг. Пришлось написать многие ходатайства (я принимал в том участие), заповедник пошел на выплату крупной суммы отступ-

ных денег, прежде чем очаг разрушения заповедности был ликвидирован. Зачем же создавать такой же очаг у Башкирского заповедника, у самой его жемчужины, справедливо названной бесценным памятником природы?

Составлявшие проект базы, разумеется, позаботились, чтобы деньги, запроектированные для строительства, не только окупились, но чтобы пещера стала доходным местом. Но какой ценой этого можно достигнуть? Максимальным искусственным привлечением людей! Иллюминация пещеры, превращение ее в сугубо зрелищное место дали бы, наверно, какие-то деньги. Новое это дело? Нет. В Соединенных Штатах я опускался в две такие пещеры. Скажу откровенно: толпы людей у входа, торопливое, рассчитанное по минутам пребывание многочисленных групп под землей и пресловутая иллюминация (Малиновый грот, Голубой, Золотой) оставили ощущение дешевого пошловатого балагана. Природы никто там не видел. Это был вариант луна-парка с эффектами, которых можно достигнуть, даже не опускаясь под землю – Диснейленд прекрасное этому доказательство.

Пещера в Новом Афоне тоже иллюминирована и приспособлена к посещению массой людей. Дело вкуса – восторгаться эффектами освещения в ней. Но подобный подход оправдан хотя бы тем, что кавказская эта пещера расположена в зоне массового скопления людей, жаждущих зрелища. Другое дело – Урал. Люди едут сюда отдохнуть от огней и «городского благоустройства», испытать радость общения

с природой, еще не тронутой человеком. На этом пути приготовить им световой балаган было бы просто кощунством, не говоря уже о том, что от света неминуемо пострадали бы доисторические рисунки.

Нелишне напомнить еще и о том, что любое чудо природы поражает и впечатляет нас лишь в случае не слишком легкой доступности. Чудо, к которому можно подъехать вплотную и глянуть на него с сиденья «Жигулей», быть чудом перестает. Не забудем также пчелу-бурзянку – один из важнейших объектов заповеданной зоны. Она не терпит близкой человеческой суеты с огнями, вертолетами, гостиницей, стадионом. С любой стороны посмотреть, реализация существующего пока на бумаге проекта была бы очень серьезной ошибкой. И, конечно, особое право на вето в подобных проектах имеют ученые. Капова пещера хранит несомненные ценности для науки. Утратить их «увеселения ради» было бы непростительно. И решительность археологов удивления не вызывает.

Однако можно понять и туристов, среди которых, конечно, не каждый – варвар. Увидеть пещеру для многих плывущих летом по Белой было мечтой. Значит, надо найти пути примирения ученого и туриста. Путь такой, мне кажется, существует. Я обсуждал его с Александром Антоновым и молодым директором заповедника Владимиром Беляниным. Черта примирения лежит не у линии нынешней стражи, а глубже, примерно в ста пятидесяти метрах от входа в пещеру. Сюда следует перенести запор со всеми замками (и плом-

бами, если нужно!). Природные условия пещеры способствуют этому как нельзя лучше – тут пролегает температурный барьер подземелья, тут есть перемычка, удобная для запора. Таким образом природный музей приобретает «запасник», доступный только ученым и специалистам – спелеологам, а туристы – законное право входа в пещеру.

Для большинства туристов 150-метрового путешествия с фонарем вполне достаточно (Саша: «И вымокнут, и в глине испачкаются, и страху наберутся»). Все остальное о пещере можно было бы узнать, выйдя из нее на лужайку, в небольшом, но хорошо оборудованном музее (план и макет пещеры, цветные диапозитивы с большого маршрута, копии наскальных рисунков, необходимые справки). Такой музей заповеднику могли бы помочь спланировать и оборудовать археологи, управление заповедников могло бы выделить для этого нужные средства, да и небедные профсоюзы, по чьим путевкам приезжают туристы на Белую, могли бы внести свою лепту в разумное разрешение спора. Таков компромисс, кладущий конец никому не нужной, никого не устраивающей войне у входа в знаменитое подземелье.

Разговор пространный по этому частному случаю уместен, мне кажется, потому, что за этим конфликтом стоит явление характерное. Замечательные памятники природы, уникальные заповеданные ценности становятся жертвами своей популярности. Уберечь их можно, только разумно регулируя и регламентируя паломничество. И компромисс,

заключенный в грубоватой, но верной старинной мудрости «и волки сыты, и овцы целы», во многих случаях может быть спасителем.

Фото автора. 17 января 1982 г.

«В росную зорю растет трава…»

На днях я проделал маленький опыт: пятерым разного возраста людям задал один и тот же вопрос: где родился Пушкин? Трое недоуменно подняли брови: как где? – в Михайловском…

Пушкин родился в Москве. Но деревенька не случайно держится в нашей памяти как место рожденья поэта, очень уж многое в поэтическом облике Пушкина связано с этой деревней. Не будь Михайловского в жизни поэта, мы наверняка бы знали иного Пушкина. Несомненно, иного.

Не по своей воле оказавшийся в деревенской глуши, двадцатипятилетний Пушкин положенье свое вначале нашел ужасным. «В первые дни ссылки деревня показалась Пушкину тюрьмой. Бешенству его не было предела. Все его раздражало. Он хандрил, скандалил, бывал во хмелю… Уединенный дедовский дом казался ему пещерой, а сам он отшельником. Его пугали лукавые сны и печальные мысли…» Но проходит немного времени, и вдруг все меняется коренным образом: «он стал чувствовать себя в деревне, как у бога за пазухой». Что же случилось?

Ответ на этот вопрос для нас существует со школьной скамьи. С прополотого разлинеенного петербургского огорода молодое, непокорно вьющееся растение брошено бы-

ло (авось зачахнет!) в глухое, диковатое место. Но растение поболело лишь малость. Молодыми корнями оно вдруг почувствовало надежную плодородную землю. И все остальное на открытом ветру пространстве – дождь, солнце, снега, соседство диких трав и цветов – дало поселенцу мощную силу. Растение буйно зазеленело и расцвело. Курьез, но сегодня мы должны быть почти благодарны царю Александру за ссылку молодого Александра-поэта в глухую деревню. Он там как будто второй раз родился…

Примерно так я, помню, писал в сочинении, оцененном за прорехи в грамматике тройкой, но отличенном устно «за образность и понимание сути». Наш доброй памяти учитель литературы Николай Васильевич Ларченко не уставал говорить: «Любите деревню. Поэты вырастают в деревне». В доказательство он называл российские деревеньки и первой – Михайловское.

Михайловское в судьбе Пушкина было сначала местом изгнания, потом реально существующим Лукоморьем, потом убежищем, надежным жизненным тылом и, наконец, «милым пределом». Вблизи Михайловского, в Святогорском монастыре, весной 1836 года Пушкин хоронил мать. Незадолго до кончины она со слезами просила увезти ее тело из Петербурга. Словно предчувствуя и свой уже близкий конец (до января 1837 года оставалось несколько месяцев) и размышляя грустно, где упокоиться, Пушкин купил себе место на кладбище. В книге приходов-расходов Святогорского мона-

стыря за 1836 год есть запись: «Получено от г-на Пушкина за место на кладбище 10 рублей…»

Можно представить себе этот последний приезд поэта в дорогие места. Можно представить, какие думы одолевали затравленного жизнью и беспредельно любящего жизнь еще не старого человека. Он чувствовал, что в последний раз видит милые сердцу пригорки, речку, сосны, облака, деревеньки, летящих с юга на север птиц. Наверное, он очень хотел, чтобы память о нем была связана с этим углом России.

Еще раз Пушкин вернулся сюда лежащим в гробу. Возок с печальной поклажей сопровождал окоченевший от горя и от мороза «Савельич» – дядька поэта, спутник всей его жизни Никита Тимофеевич Козлов, так же дорогой для Пушкина человек, как и няня Арина Родионовна. (Дядька с няней состояли в родстве – Никита Тимофеевич был женат на ее дочери.)

Из Святогорского монастыря, где после холодной дороги поставили гроб, дядька побежал в Михайловское с последней службой для дорогого ему человека – звать михайловских мужиков рыть могилу. И загудел колокол. Тот самый, в который, забираясь на колокольню, так любил звонить Пушкин в золотые (ссыльные!) годы пребыванья в Михайловском. Было это ровно 145 лет назад, в студеном феврале 1837 года…

Гете, кажется, говорил: если хочешь узнать поэта, побывай у него на родине. Думаю, иностранец удовлетворится и

много поймет, если ему покажут Москву со словами: Пушкин родился тут. Пушкин так велик, что самым первым из всех нас имел бы право сказать, окинув взглядом пространства, на все четыре стороны лежащие от Москвы: это моя Родина. Но поскольку большие явления, как и большая река, начинаются все же с малого – с ключа, с родника, с ручейка, нас, соотечественников поэта, как магнитом притягивает деревенька Михайловское, шутка ли – более миллиона паломников в год! Более миллиона. И так ли уж велика ошибка, когда говорят: Пушкин родился в Михайловском?

* * *

Заметки эти – следствие только что прочитанной книги.

Немало найдется людей, прочитавших все, что написано Пушкиным. Немного найдется людей, знающих все, что написано о Пушкине. Литература о великом поэте безбрежна. И каждый год появляется что-нибудь новое. Нарядная, еще пахнущая печатной краской книга «Пушкиногорье» – большой обстоятельный рассказ о Пушкине, обо всем, что его волновало, радовало и вдохновляло во время жизни в Михайловском, о том, как живет Михайловское и все Пушкиногорье сегодня, о том, как все тут было порушено во время войны и как восстало из пепла. Эта книга – о людях, знавших поэта при жизни, и о тех, кто приходит поклониться ему в ныне бегущие дни. Книгу я закрыл с сожаленьем, что она

кончилась (часто ли так бывает?), с благодарностью Пушкину и тому, кто поведал о нем.

Как определить жанр этой книги – повесть? путеводитель? исследование? мемуары? По отдельности – все неточно, а вместе – то в самый раз. Автор книги соединил в себе историка, литературоведа, музейного работника, экскурсовода, бытописателя-краеведа, тонкого знатока природы, сердечного друга поэта и, наконец, литератора, у которого «легкий домысел парит над всем открытым, увиденным и познанным в ходе долгой жизни в сельце Михайловском».

Не новостью будет сказать, что Пушкину очень повезло на своего преемника в нынешнем Михайловском. Имя этого человека – Семен Степанович Гейченко – стало по справедливости славным. Если бы «юноше, обдумывающему житье» надо было привести пример цельной, осмысленной, плодотворной, а потому и счастливой жизни, я бы немедленно вспомнил Семена Степановича. В Михайловском он живет уже во много раз дольше, чем сам Александр Сергеевич, – почти сорок лет. И все эти годы неустанных поисков и труда отданы памяти Пушкина. Книга «Пушкиногорье» рассказывает, что тут увидел автор, еще молодой тогда Семен Гейченко, после ухода с псковской земли войны. Казалось, что все потеряно безвозвратно: дом поэта фашисты сожгли, усадьбу разрушили, знаменитый вдохновлявший Пушкина парк изрыли окопами и утыкали минами, спилили для блиндажей вековые деревья («сорок тысяч сосен»), заминировали моги-

лу Пушкина. С этого нуля в 1945 году началось возрожденье Пушкиногорья. Все, кто сумел побывать в Михайловском, знают итоги этих трудов. Прочитавший книжку увидит, как шло возрожденье.

Нелегкое дело – по случайным рисункам, по описаньям, воспоминаньям, осколкам, обломкам восстановить прошлое. Но пройти добросовестно этот путь – лишь половина дела. Нередко реставрация старины подобна восковой кукле – все до мелочи точно, похоже, однако холодно и мертво. «Заставить говорить вещи, постройки, дорожки, деревья!» – такую задачу поставил перед собой Гейченко в Пушкинском заповеднике. И все, кто бывал там, знают: эта высокая цель достигнута. Опыт Гейченко сейчас перенимается, изучается. Пушкинский заповедник стал эталоном музейного дела. Книга Семена Степановича посвящает нас в тайны «одушевленья вещей» и всего, что могло окружать жившего тут полтора века назад дорогого нам человека.

Сам Александр Пушкин, конечно, очень помог Семену Гейченко. Стихи поэта, написанные в Михайловском, и отголоски деревенского житья в более поздних стихах служили «справочником» и точным камертоном в воссоздании пушкинской атмосферы. Однако в делах реставратора есть вещи, подобные кладу без какого-либо свидетельства, где он зарыт. Таких кладов Гейченко откопал множество. Например, куст сирени, увиденный им случайно в диком густом лесу, заставил подумать: сирень обычно растет у постройки, не тут ли

стояла часовня, о которой написано: в «часовне ветхой бури шум, старушки чудное преданье…»? Стали искать. «Нашли куски старых бревен, доски, оконное стекло, кованые гвозди, медные старинные монеты и… разбитую гончарную лампаду». Это лишь эпизод (превосходно описанный в книге!) долгой и кропотливой работы, в которой мы чувствуем очень усердный труд, сопряженный с мудростью жизни и знаниями, но также и вдохновенье творца, глубоко постигшего личность и судьбу Пушкина.

Книга «Пушкиногорье» – повесть о двух жизнях в Михайловском: о жизни Пушкина и о жизни хранителя его памяти. Обе сплетены воедино, и обе нам одинаково интересны. Семен Степанович не только воссоздал и сберег в Михайловском «мир Пушкина», он неотлучно живет в этом мире. Друзья не однажды склоняли уже немолодого теперь человека сменить «первобытное житье» в рубленом доме с печью на жилье с нынешними удобствами неподалеку от Михайловского. Но ответ был всегда одинаков: «Приобрету – вот столько. А потеряю безмерно». И много лет по сей день Семен Степанович, проснувшись утром, чистит снег у порога, идет с ведрами за водой, топит печь… – ведет деревенскую жизнь, какая так много дала поэту и которая много дает для постиженья его. «Я тут как домовой – все знаю. Знаю, в какое окошко заглянет первый луч солнца, знаю, какая птица первая утром подает голос, знаю, какие звери наследят ночью (иногда я вижу этих зверей и думаю: вот так же видел их

Пушкин), знаю, как воет вьюга в трубе, иногда мне кажется: слышу, как в росную зорю растет трава…»

«Это мог видеть Пушкин… Это Пушкин мог слышать», – любит говорить Семен Степанович своему деревенскому спутнику. «Вот иволги… Скажи-ка, при Пушкине они пели иначе? А зяблик, сорока? И скрип этих сосен… Все было так же!»

Семен Степанович верно и глубоко понял, какое место в жизни Пушкина тут, в Михайловском, занимала природа. И он заставил природу заговорить, сделал ее едва ли не самым главным «экспонатом» музея-заповедника. Уже на пути к дому мы слышим разноголосый хор птиц, зимой на снегу видим следы лесных обитателей, следы гусей, собаки, кота, летом ветер в доме колышет занавески на окнах, в комнатах пахнет цветами, деревом, спелыми яблоками, на старом кресле в июле лежит букетик увядающих васильков, а в августе будут лежать ромашки. Все подлинно и естественно, все наполнено жизнью. Приходящим сюда кажется: Пушкин здесь, он отлучился лишь на минуту…

В книге просто и интересно рассказано, как достигалась эта магия подлинности, как ненавязчиво приходящим сюда внушается: «Все даже самое значительное на земле питается обыкновенными жизненными соками».

Книга «Пушкиногорье» дает возможность побывать в заповеднике, не приезжая в него. Кое-что в таком «посещении» мы теряем, но очень много в этом книжном знаком-

стве с пушкинским миром и преимущества. Пушкин не был домоседом, он исходил и изъездил верхом большую округу, бывал в церквах, на ярмарках, на крестьянских дворах, «в дымной хате рыбака», в помещичьих усадьбах, на постоялых дворах, водяных мельницах. Быт времен Пушкина Семен Степанович изучил превосходно и умеет показать его в сочных красках и точных звуках («Топая, как лошадь, поп вошел в комнату»). Он показывает эту жизнь в очень интересных для нас подробностях – чем торговала лавка, что ели, во что одевались, какие песни играли, что росло в огородах, какое варили варенье, как выглядел табор цыган, какими были кулачные бои…

И люди! Не всякий роман вмещает в себе такое число колоритных и ярких фигур. В отличие от героев литературных эти существовали реально. Пушкин их знал, оставил о них свидетельства, либо сами они (например, игумен Святогорского монастыря Иона с его колоритным талантливым дневником на «сахарной синей бумаге») оставили свидетельства о поэте и о его времени. Няня Арина Родионовна, дядька поэта Никита Козлов, отец, мать, друзья, царь Николай – все предстают в книге живыми, ярко очерченными людьми.

Не упустил возможности автор «Пушкиногорья» поговорить (и бережно сделать запись бесед!) с людьми «дотелевизионного» поколения, говорившими образно, ярко и точно. О Пушкине они знали от своих предков, и, возможно, не все было ценным в рассказах-легендах. Но послушайте, как

говорил один из этих людей, названный в книге «дед Проха» («Умер дед Проха весной 1946 года, когда всем нам было трудно жить»). Вот как дед говорил:

«…У меня в деревне Савкино байня дюже хорошая. Без трубы, одна каменка. Топлю я ее, покуда от ней не пойдет вопль и она не станет сладкая. Тогда я открываю в потолке душник и выпускаю зной, беру веник и иду мыться. Хорошо драть свое естество веником, когда оно еще не умылось.

Иногда хожу в байню не один, а два раза. Зайду, попарюсь, обомлею, потом уйду в избу. Ежели воды и тепла много, то обязательно схожу в баньку пострадать еще разок. Не пропадать же такому веселью и прелести. Ежели сам второй раз не схочу идти, гоню жену, а сам иду квас пить. Выпью шесть-семь кружек, успокоюсь – и на печь… От моей байни я имею одну восторженность и сладость во всем теле… Без байни как без порток – тоскливо и простудно!»

А, каково?! Савкино – это деревня, где Пушкин бывал очень часто. Мог он слышать такую вот речь? Несомненно! Вот они, соки, питавшие гения, истоки его народного языка.

Сам автор «Пушкиногорья» тоже принадлежит к поколению «дотелевизионному», и весь язык книги – образец яркой народной речи, точный, благоухающий русский язык, каким сегодня, увы, не пишем.

Интонация книги простая и задушевная. Мы чувствуем человека, который «с Пушкиным на дружеской ноге» подлинно. Временами автор озорничает, как Пушкин, но всю-

ду мы ощущаем трепетную любовь, понимание и уваженье поэта, чувствуем: друг Пушкина, как добрый Савельич, постоянно с ним рядом, постоянно на страже его немеркнущих мыслей, неувядающих чувств.

Хорошая книга! Как зрелый плод доброго дерева, она полна солнца, всяких полезных для души читающих «витаминов», а урони во взрыхленную почву семечки из плода – непременно будут хорошие всходы.

Давний житель Михайловского, поставив последнюю точку в одном из трудов, созданных в деревеньке, радостно восклицал: «Ай да Пушкин, ай молодец!» Поэту было в тот радостный час двадцать шесть лет. Хранителю его света и очага сегодня в три раза больше. Возрасту свойственна сдержанность. «Слава богу, окончил, успел», – сказал Семен Степанович, отдавая книгу издателям. Сейчас эта книга на пути к читателю. И можно позавидовать всем, кто встретится с ней.

* * *

В нашем издательском деле «Пушкиногорье» – тоже событие. Найдена форма книги, хорошо сочетающая в себе литературу и документы, большие объемы текста и обилие прекрасных цветных фотографий. Этой книгой в «Молодой гвардии» обозначился ряд изданий со словом **Отечество** на обложке. Нетрудно предвидеть, какой плодотворной может стать эта линия. Воспитание любви к Отечеству, глубо-

кое познание истории и культуры страны, ее природы и священных ее уголков – насущная наша забота. Вслед за книгами ЖЗЛ и «Эврики», сделавших славу издательству, серия «Отечество» может стать магистральным многолетним изданием. Книга Семена Степановича Гейченко о пушкинских родниках – прекрасный образец в начале благородного и благодарного дела.

Фото из архива В. Пескова. 3 марта 1982 г.

Оляпка
Окно в природу

Мороз под сорок. Снег сначала по пояс, а в зарослях, к берегу ближе, – по самые плечи. Движенье – со скоростью черепахи. Зато какая награда! На звуки нехитрой песни («Фью-цы-цы, фью-цы-цы!») дойдя до каньона речки Шульган, я вижу птицу, о которой много слышал и много читал, но первый раз встретил.

Оляпка… Птица сидит на покрытом инеем камне у водопада. Брызги воды ледяным бисером оседают вокруг.

То ли по природной привычке, то ли от волненья, что видит рядом с собой человека, оляпка, как заводная игрушка, смешно приседает, сопровождая движения песней.

Оляпку зовут кое-где водяным воробьем. Но почему? Ни в облике, ни в повадках воробьиного нет ничего. Будь подлиннее хвост и будь оляпка крупнее телом, принял бы ее за дрозда. Но хвост у певуньи напоминает хвостик крошки-крапивника – задорно торчком вздернут кверху. Изящен наряд у оляпки – куртка бархатно-черная, манишка белизною поспорит со снегом. И странно плясунья меняет форму: то похожа на шарик с головкой, а то вдруг становится веретенцем – точь-в-точь барсучок-поползень.

В веретенце моя знакомая обращается сразу, как только прыгает с камня на мокрую гальку и начинает проворно во-

рошить ее клювом. Охотясь за козявками и жуками, она забредает в речку. И вдруг, не замедляя резвых движений, уходит под воду.

Вода в текущем из пещеры Шульгане кристально чистая. Все же мне видно лишь темную тень оляпки и перламутровый шлейф из пузырьков воздуха, отмечающий ее бег под водой. Движенья те же, что были на отмели, и добыча, как видно, та же: козявки, личинки. Но вот попалась, кажется, рыбка величиною со спичку. С этой сверкнувшей на солнце добычей охотник выбежал из воды, порхнул на камень, и вот

он уже превратился в черный с белой отметиной шарик. И успокоенно задремал.

У меня от мороза онемел нос, руки не слушаются, фотокамеру, чтобы не отказала, держу за пазухой. Приятель мой наверху, над Шульганом, слышу, пляшет на месте – замерз. А оляпка после хождения под водой сладко дремлет.

Две птицы поражают воображение человека на зимнем холоде. Клест, который именно в это суровое время выводит птенцов, и оляпка, «по морозу ходящая в воду за пищей».

Оляпка не принадлежит к привычным для нас водным и водоплавающим птицам (гуси, утки, поганки), у нее на лапках нет перепонок. Оляпка, подобно дроздам, трясогузкам, скворцам, добывала когда-то свой корм на суше, предпочитая, как видно, берега речек. Забредая иногда в воду, она приспособилась постепенно полностью погружаться в нее. Оперенье оляпки приобрело необычайную плотность и обильно смазано жиром – тело птицы в воде остается сухим. Ноздри у птицы закрываются клапанами, а уши – складками кожи. Водолаз в полной форме!

И вот живет оляпка теперь исключительно у воды и лето, и зиму, выбирая потоки, не скованные морозом. Такую воду встретишь зимою только в горах и предгорьях. Но старики говорят, что жили оляпки раньше и на равнинах – у водяных мельниц. Возможно, этим объясняются редкие, удивляющие орнитологов залеты птичек в равнинную полосу.

В горах и предгорьях почти любая незамерзшая речка,

любой ручей обжиты оляпками. Корма в воде на зиму хватает едва. Потому вопрос территории для оляпки – наиважнейший.

Зимует оляпка почти всегда в одиночестве, и лишь к весне ближе образуются на ручьях парочки.

Такое сообщество я и встретил в южноуральских предгорьях на речке Шульган. Птицы, кажется, отводили душу после долгого одиночества – покормившись, они носились вперегонки над самой водой, повторяя все изгибы прихотливой речонки.

…До сих пор стоит в ушах скрип морозного снега, журчанье воды и веселая бодрая песенка «Фью-цы-цы! Фью-цы-цы!» – песенка водолаза-оляпки.

Фото из архива В. Пескова. 14 марта 1982 г.

Выстрелы ночью…

«Меня грозятся убить…» – писал он в последнем своем письме. Я хорошо понимал, насколько реальна эта угроза в пустынных калмыцких степях. Ночами при свете фар браконьеры убивали сайгаков десятками, пока не наполнится кузов грузовика. Инспектор-охотовед Улдис Кнакис твердо встал на пути этих разбоев. И развязку можно было почти предвидеть. Улдис был человеком неробким, честным и твердым, а те, кто грабил степи, были алчны и беспощадны.

Стычка произошла сентябрьскою ночью. Улдис, выследив браконьеров, стал их преследовать. Из кузова грузовика его машину осветили слепящей фарой. Началась перестрелка. Улдис стрелял по шинам автомобиля, браконьеры целились прямо в сердце и не промахнулись…

Смертельная рана Улдиса Кнакиса до сих пор кровоточит и в сердце у всех, кто знал этого человека. Это была жертва не слепого случая. Это была смерть в бою, когда сошлись непримиримые силы, обозначенные сегодня не только фронтом охраны природы. Это была схватка людей, по-разному толкующих старую мудрость «живем один раз». Честный, смелый и благородный Кнакис, не соблазнившись после блестящего окончания иркутского института легкой научной карьерой, жил в казенном степном домишке, где печь топилась отслужившими, собранными в степи автомобиль-

ными покрышками и постель накрывалась шинельного сукна одеялом. Его счастьем была природа, которую он понимал, любил и охранял не только по долгу нелегкой, сознательно выбранной службы, но и потому, что был убежденным ее защитником, потому что видел в ней одну из высших ценностей жизни, народное добро, взывающее к защите. И он от боя не уклонился. «Живем один раз, и жить надо достойно…» – писал Улдис Кнакис друзьям.

Его противника, его врага в лицо мы не знаем. Он скрылся. И этот человек живет среди нас. Газета с упоминанием Улдиса, возможно, попадется ему на глаза, возможно, он вздрогнет, а может быть, ухмыльнется: «Живем один раз…» Три этих слова он понимает совсем иначе, чем Кнакис. Мир житейских его интересов и понимание ценности жизни лежат далеко от той печки, которую Кнакис в полупустыне топил отслужившей резиной. Рви, греби под себя, хватай, тяни поскорее – вот его философия. Он ее исповедует убежденно, со взведенным курком против тех, кто станет у него на пути. Одинока ль эта фигура? Если бы так…

Все мы видим: замки, запоры, запреты, законы, мораль не служат препятствием для жирно живущего паразита, он научился изощренно все обходить, он знает ходы, лазейки и недогляды и особенно нагло ведет себя там, где охрана добра затруднительна, запущена, где добро соблазнительно плохо лежит.

Богатства природы относятся к ряду ценностей, охранять

и беречь которые очень непросто. На степь, где пасутся сайгаки, на лес, на таежную нерестовую речку замок не повесить. И потом соблазны запустить руку в кладовую природы приняли угрожающие размеры. Редкий номер газеты сейчас обходится без сообщений о браконьерстве – о вооруженных стычках, об использовании современной техники для грабежа природы, о судах, снисходительных к браконьеру, о причастности к браконьерству должностных лиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.